

Сталинградская битва как испытание воинского духа**

В 1942 году в очерке «Дни и ночи» Константин Симонов написал: *«Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет мы начнём вспоминать и наши уста произнесут слово «война», то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах возникнет тяжелый, бесконечный грохот бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим звенящее громыхание перегревшегося железа...»*¹. Сталинград по праву считается главным символом Второй мировой войны. В этой битве столкнулись не просто армии – в ней проверялся на прочность моральный и воинский дух противоборствующих сторон.

Солдатские письма – уникальный исторический источник. По ним можно проследить состояние и динамику морального духа, всего комплекса социально-психологических качеств личного состава советской и германской армий, сравнить их ментальности, то есть, по сути, выявить глубинные истоки конечного исхода противостояния двух сторон во Второй мировой войне. И здесь особенно интересно сопоставить письма противников применительно к одному периоду и театру военных действий, когда солдаты противоборствующих армий находились в примерно одинаковых условиях, и у исследователя есть уникальная возможность рассмотреть совокупность их психологических проявлений «одномоментно», ситуационно, в контексте какого-либо военного события и эпизода. В этом смысле очень удобный объект изучения представляет собой Сталинградская битва, поскольку фиксирует определенную, переломную стадию Великой Отечественной войны, достаточно протяженную во времени и характеризующуюся рядом специфических для нее параметров.

---

* Сенявская Елена Спартаковна - доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, академик Академии военных наук, член Союза писателей России.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

Особое значение имело осознание обеими воюющими сторонами во многом решающего характера этого сражения, и как следствие – его крайняя жесточенность и упорство обеих сторон. Причем развитие этой битвы стало как бы зеркальным для противников: немецкая сторона прошла путь от стадии успешного наступления через длительные позиционные бои к полному краху, тогда как советская сторона, напротив, – от этапа отступления и тяжелейших оборонительных боев до триумфальной победы в главном сражении Второй мировой войны. То есть сама битва на Волге представляет собой своеобразную естественную социально-психологическую модель динамики массовых настроений и поведения воинов в предельно экстремальной обстановке на грани жизни и смерти, в которой решалась судьба ключевых ценностей воюющих сторон, участь не только отдельных людей, но и целых народов. Она позволяет проводить весьма эффективный компаративный анализ психологического состояния и морального духа двух противостоящих армий в динамике военных событий на общем театре боевых действий. А уникальным источником для такого анализа как раз и могут служить солдатские письма.

С точки зрения источниковедения, весьма важен вопрос, насколько адекватно и полно фронтовые письма как вид источника отражали действительные умонастроения бойцов на фронте. Здесь следует принимать во внимание целый ряд «внешних» по отношению к человеку и «внутренних» факторов.

Так, когда советские бойцы писали письма, они, безусловно, учитывали неизбежность их прохождения через военную цензуру, а значит, обычно прибегали к самоцензуре (которую условно можно назвать «политической»), стараясь не допускать в своих посланиях той информации, которая могла бы вызвать неприятности для них самих и их адресатов, как правило, – близких людей. Существовало и такое явление, как психологическая самоцензура, когда в письмах, направляемых родным и близким, бойцы сознательно умалчивали об опасности и тяготах фронтовой жизни, чтобы не волновать дорогих им людей. Поэтому следует учитывать степень откровенности в письмах в зависимости от их адре-

сата: далеко не всегда то, что боец честно рассказывал другу, он мог написать матери, сестре, жене или невесте, щадя их чувства.

Современные исследователи, конечно же, не могут с абсолютной точностью определить степень влияния этой самоцензуры на содержание писем, т.е. насколько она искажала действительные настроения. Однако мы можем косвенно судить о тенденциях в этих настроениях по сохранившимся сводным данным о работе Отделений военной цензуры Особых Отделов НКВД (далее – ОВЦ ОО НКВД), обрабатывавших сотни тысяч писем и осуществлявших их статистический анализ. Эти данные тем более важны, что даже при сознательной самоцензуре их авторов многие письма оказывались, с точки зрения цензоров, «неправильными». Поэтому, при всех оговорках, фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними массовыми свидетельствами того времени. Они отражают, по сути, весь спектр солдатской жизни в боевых и прифронтовых условиях, но больше всего характеризуют ее бытовые аспекты.

Именно быт наиболее ярко выявляет закономерности, общие черты солдатской психологии. Как правило, людей на передовой волновали одни и те же житейские вопросы, о чем в частности свидетельствуют их письма домой. Так, во всех письмах участников Великой Отечественной войны преобладало описание деталей военного быта: устройство жилого помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Казалось бы, мелочи, но те мелочи, без которых нельзя жить... Затем следовали характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними, то есть проблемы человеческого общения. Нередки были воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем, о возвращении с войны. Давались описания погодных условий, местности, где приходилось воевать, и собственно боевых действий. Встречались рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» был явно вторичен, возникал там и тогда, когда «новостей нет» и «больше писать не о

чем», хотя это вовсе не отрицало искренности самих патриотических чувств. Попадались и высказывания в адрес противника, как правило, иронические или ругательные. И все же «героический» аспект войны, отраженный в письмах, явно уступал по значимости житейскому, будничному, повседневному, потому что даже под пулями, рядом с кровью и смертью, люди пытались просто жить. И кроме того, старались успокоить своих близких, показать им, что живут неплохо и что на войне «не так уж страшно».

Вот отрывки из типичных солдатских писем, в которых есть и бытовые подробности, и забота о близких, и оптимистический настрой, вопреки всем тяготам войны. Морской пехотинец Виктор Барсов писал 8 сентября 1942 г.: *«Здравствуйте, мои дорогие! Извините за мое вынужденное молчание. Во-первых, был в окружении, во-вторых, ведем жестокие бои – некогда выбрать время для письма, да и бумаги с конвертом не так-то просто достать. Пользуясь кратковременной передышкой, – пишу. Я жив, здоров, питаюсь отлично, так как Родина для нас, защитников города Сталинграда, не жалеет ничего, но и мы для Родины готовы всем пожертвовать, вплоть до самой жизни. Сталинград должен быть наш и будет!.. Впрочем, у меня все в порядке, прошу обо мне не беспокоиться. Вот от вас давно уже ничего не получал... Ну, а как дома дела? Как с продуктами? Как учится Нина? Как здоровье папы?.. Мне пришлите свои фотокарточки... Пишите мне почаще и обо всем... Пока до свидания. Целую всех крепко»*². 23 октября 1942 г. он также выражал уверенность в победе над врагом: *«Получил, мама, от тебя письмо, в котором ты правильно пишешь, что я защищаю истор[ический]. г[ород]. б[ывший]. Ц[арицин]., теперь Ст[алинград]. И будь уверена, твой сын не сдаст врагу ни клочка земли, ни одного дома! Враги боятся нас, сухопутных моряков, называют нас «черными комиссарами». На нашем участке враг не только ни шагу не продвинулся вперед, но отступил. Так будет и впредь! Живу я хорошо...»*³

Материалы военной цензуры, пожалуй, с наибольшей адекватностью позволяют оценить состояние и динамику массовых настроений в армии на

протяжении всей Сталинградской битвы. Они в целом подтверждают общую закономерность преобладания в переписке бойцов писем семейно-бытового содержания. Так, в Спецсообщении отделения ВЦ 62-й армии в ОО НКВД Сталинградского Фронта «О перлюстрации красноармейской почты» за период с 15 июля по 1 августа 1942 г. указано, что из 67380 просмотренных писем 64392, то есть 95,6%, носят бытовой характер⁴.

подавляющая часть писем, посвященных исключительно бытовым вопросам, в «политическом» плане оценивалась органами военной цензуры как «нейтральная». Значительная часть писем определялась ими как «положительная», как правило, отражающая, наряду с житейскими вопросами, «здоровое политико-моральное состояние личного состава частей армии, высокий дух патриотизма, преданность Родине и готовность вести борьбу с фашизмом до полного разгрома немецкой армии», выражающая «уверенность военнослужащих в полной победе над врагом»⁵. Так, в Докладной записке ОО НКВД Сталинградского фронта в Управление ОО НКВД СССР и Политуправление Сталинградского фронта «О настроениях военнослужащих частей Сталинградского фронта, по материалам ВЦ от 4 ноября 1942 г. говорится: «Проверкой писем, исходящих от бойцов и командиров частей Сталинградского фронта, установлено, что большая часть писем содержит в себе положительные реагирования по вопросу защиты города Сталинграда и борьбы с немецкими оккупантами... Бойцы передовой линии в письмах своим родным и знакомым, делятся своими боевыми подвигами, выражают свою ненависть к немецким захватчикам и стремление бороться с врагом до полного его уничтожения»⁶.

Даже в самый напряженный период сражения на Волге люди верили в его успешный исход. С 17 июля по 18 ноября 1942 года продолжался оборонительный этап Сталинградской битвы, в ходе которого советские воины выдержали чудовищный натиск превосходящих сил вражеской группировки и обескровили ее. Но уже в конце октября в письме к матери старший лейтенант Борис Кровицкий написал пророческие слова: *«...На Волге бои идут тяжелейшие. И все-таки чувствуем: скоро перелом. Я уверен, что разгром*

немцев начнется так же внезапно, как и началась война. Собственно, это закономерно. В ходе войны накоплены опыт и силы. И это неизбежно приведет к резкому перелому на фронте (диалектика!) даже и без вмешательства наших упорно разговаривающих союзников»⁷.

Другой защитник Сталинграда летчик Юрий Казьмин в октябре 1942 г. писал матери: "Мы стали суровыми людьми, мама. И мы не имеем права смеяться, пока гитлеровцы справляют кровавые тризны в наших городах и селах. Мы научились делать то, что до войны показалось бы нам невозможным... Каждый из нас готов умереть во имя Родины... Это не значит, что мы не любим жизнь. О, как мы ее любим! Во много раз сильнее, чем прежде. Ты знаешь, на фронте многие стали писать стихи, а родным посылать нежные письма. С жадностью и удивлением смотрим мы на природу, словно в первый раз раскрылась она перед нами во всей своей чарующей красоте. Но чем больше мы любим жизнь, тем сильнее презираем смерть... И побеждаем ее..."⁸

6 ноября 1942 г. артиллерист сержант С.И.Самарин сообщал в письме к сыну: «Ты спрашиваешь, как чувствуют наши бойцы? Гена! Это будет откровенно, что нигде и ни в одной армии нет такого высокого морального духа, как в РККА. Остальные действия нашего фронта тебе известны из печати, в том числе и нашей части... У меня большие изменения. 1 ноября нас чуток на 3 км отвели для пополнения и прочих дел. Мы вымылись, побрились. Получили фуфайки, брюки ватные, новые шинели, теплые с подватой, шапку-ушанку, варежки, 2 пары белья, 2 пары портянок и новую плащ-палатку. Я этого никак не ожидал. Но факт! Это наш тыл крепок и даёт своевременно и в полной мере всё потребное фронту. Харчевка, несмотря на дальность от баз снабжения, надо прямо сказать, своевременная и хорошая. Вот видишь, что наша Армия крепка и есть еще надежда на разгром немецкой армии... А сталинградское направление врагу будет стоить столько, сколько ему обошлось и московское в прошлом году. Участь аналогична. Гена! Есть, вероятно, разговоры у некоторых в безнадежность победы над гитлеровской бандой. Прямо заявляй им, и

будет без ошибки, что эти люди предатели Родины»⁹. Семен Самарин погиб 28 ноября 1942 г. в период контрнаступления под Сталинградом.

12 ноября 1942 года старший политрук Я.И.Гриценко делился в письме к родным своими размышлениями: *«Когда-то в детстве любимые нянюшки рассказывали нам сказку об аде. Какое это тихое, провинциальное учреждение в сравнении с тем, что происходит в жаркие дни под стенами Сталинграда... Нам чужды переживания героев книги «На западном фронте без перемен», которую многие из нас читали когда-то до войны. До предела обнаженный быт войны устрашал героев этой книги, которые выше всего ценили свое собственное маленькое существо. Нас этот быт не может раздавить, опустошить, хотя и мы люди, хотя и нам приходится много пережить трудного...»*¹⁰

15 ноября 1942 г. летчик-истребитель Я.П.Пилкин писал жене и детям: *«Добрый день, премногоуважаемая жена Клавоочка и дорогие сыновья Женя и Валя! Первым делом хочу сообщить, что я жив и здоров... Скоро наступит тот час, когда мы, защитники Сталинграда, будем гнать гитлеровских псов туда, где Макар телят не пас. Придёт тот час, когда вздохнём спокойно в своей любимой стране, в любимом городе Ростове, и встретимся вновь, наша любимая семья... Хочется сию минуту приласкать и обнять крепко вас, дорогих... Вот уже три месяца, как мы защищаем славный Сталинград непрерывно на боевом посту наших рубежей... В настоящее время у нас зима, морозы до 15 градусов. Одеты мы очень хорошо, так что мороз нипочём. Живём очень хорошо, боевая семья у нас хорошая. Землянки у нас тёплые и уютные. Имеется у нас маленькая собачка, называем ее Удод. Это наша любимица, с ней мы развлекаемся. Была еще кошка, но её кто-то утащил для уничтожения мышей. Есть у нас баян. Ужинаем мы очень весело... Вот пока и всё, с тем и до свидания... Крепко всех целую. С приветом, ваш Яша...»*¹¹ Через две недели, 28 ноября 1942 г. майор Яков Пилкин погиб при штурмовке вражеского аэродрома под Сталинградом.

13 января 1943 г. морской пехотинец Виктор Басов писал родным:

«Думаю, что ваши пожелания о разгроме врага в 1943 году сбудутся, ибо патриотический подъем фронта и тыла, наступательный порыв Красной Армии – порука этому. Мы также приняли участие в сборе средств на постройку танковой колонны «Защитник Сталинграда». Собрали 5,5 млн. рублей. Получили приветственную телеграмму от т. Сталина на имя Абрамова, Шумилова. Это воодушевило нас. Сбор средств продолжается... Посылочку еще не получил, так как нам очень нужны боеприпасы, а транспорта не хватает. Думаю скоро получить. Спрашиваешь, нужны ли мне тёплые брюки? Не нужны. Одет я тепло. Страна хорошо заботится о нас. Пора и нам искупить свою вину перед Родиной – уничтожить зарвавшегося врага. Это мы выполним»¹².

Лишь незначительный процент писем оценивался военной цензурой как «отрицательный», причем к таковым относились как «провокационные», содержащие «антисоветские высказывания», «упаднические и религиозные» настроения, так и жалобы на плохое питание, вшивость, сообщения о смерти товарищей и т.п. При этом «вредных политических оценок» в письмах было гораздо меньше, чем выражений недовольства по поводу бытовых условий. По сути, цензура оценивала как негативные в подавляющей части просто критические, нередко здравые высказывания относительно положения на фронтах и компетентности командования, отношения с союзниками, плохих условий снабжения и быта, попытки трезво оценить действия и силу противника и т.д. Например, те редкие письма, в которых говорилось, что у немцев хорошая авиация или артиллерия, расценивались как «восхваление неприятеля». Некоторые авторы «отрицательных» писем брались «на учет» и «разрабатывались» органами НКВД.

Интересно сопоставить эти психологические характеристики советских бойцов с психологией противника, то есть немецких солдат на том же Сталинградском фронте, которая также нашла отражение в письмах.

Немецкие солдаты находились в такой же экстремальной ситуации на грани жизни и смерти, что и советские бойцы. Но отличалась она тем, что во-

евали они на чужой земле, на которую пришли оккупантами, находились за тысячи километров от своей страны, в глубине вражеской территории, и динамика ситуации развивалась не в их пользу.

13 ноября 1942 г. немецкий солдат Генрих Мальхус в отчаянии пишет на родину: *«Теперь в Сталинграде разгорелись бои, подобных которым не было за весь восточный поход... Когда мы пришли в Сталинград, нас было 140 человек, а к 1 сентября, после двухнедельных боёв осталось только 16. Все остальные ранены или убиты»*¹³. 18 ноября 1942 г. ефрейтор Вальтер Опперман жалуется брату: *«Сталинград – это ад на земле. Верден, красный Верден, с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удастся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно»*¹⁴. 20 ноября 1942 г. обер-ефрейтор И.Цмах писал домой: *«Здесь суший ад. Ничего подобного мы ещё не переживали. К сожалению, всего я вам написать не могу. Если судьба позволит, то я когда-нибудь об этом расскажу. Сталинград — могила для немецких солдат. Число солдатских кладбищ растёт. Это похоже на то, что творилось в Перроне на Сомме в войну 1914-1918гг., с той разницей, что здесь все эти солдаты погибли в боях за один только город»*¹⁵.

Доминирующим настроением немецких солдат в этих условиях, в противоположность тому, что внушалось гитлеровской пропагандой, было отнюдь не стремление к подвигам во имя приобретения Рейхом новых пространств на Востоке, а стремление домой, к своей семье, тоска по прошлому, по мирному, отлаженному быту, уютному семейному очагу. Вот мнение американского исследователя Томаса А. Кохута и его немецкого коллеги Юргена Ройлекке, изучавших комплекс немецких писем из Сталинграда: *«Одной из наиболее бросающейся в глаза особенностей этих солдатских писем Второй мировой войны является отсутствие в них рефлексий по поводу героического военного опыта... Весьма примечательно, как мало содержится в этих письмах описаний боевых действий, как редко выражают солдаты восторг по поводу своих военных переживаний, как откровенно мало гордятся они своими боевыми победами, орденами и повышениями в должности, как мало*

упоминают о психологическом и моральном значении товарищества, как редко говорят о враге в презрительном или резко пренебрежительном тоне, да и вообще как редко о нем упоминают и как мало в письмах, адресованных женщинам, шовинистических выражений»¹⁶. В немецких письмах, как и в письмах советских солдат, преобладают бытовые вопросы. Однако их доминанту можно определить как «жалобное нытье» по поводу утраченного бытового благополучия мирного времени, несмотря на то, что и в немецкой армии активно работала военная цензура, существование которой авторы писем не могли не учитывать. Не могли они не знать и того, что их жалобы вызовут естественное волнение и беспокойство их адресатов, прежде всего близких людей. Однако тенденция деморализации армии, прошедшей от успехов и побед к аду сталинградского «котла», атрофировала многие нормальные человеческие качества, способность адекватно оценивать и свое положение, и последствия своих действий.

Так, например, обер-ефрейтор Герман Вигребе писал брату 29 сентября 1942 г.: *«О себе хорошего писать нечего – 4 недели нет подвоза мяса и жиров, и единственная мысль, беспокоящая меня – это о моем желудке. Но сегодня мой приятель (он ездовой) принес мне целый котелок требухи, так что ворчания в желудке я сейчас не чувствую. Не можете себе представить, однако, как меня мучает жажда. Мы находимся южнее Сталинграда, очень недалеко от Волги, но «близок локоть, да не укусишь» – воду достать очень трудно... Мы находимся в обороне уже две недели, Сталинград почти что в наших руках. Но мы не наступаем, так как мало снарядов. У русских тоже снарядов нет и жрать нечего, но та небольшая горстка людей, которая осталась здесь от их многочисленных дивизий, бросается порой вперед, как будто их подгоняют сзади каленым железом... На днях мы отправились в разведку и увидели двух русских. Одного пристрелили, другой убежал, при этом бросив вещевой мешок, в котором оказались сухари и концентрат. Мы его немедленно стали варить, но я не утерпел и съел полусырым... Вообще вы не можете себе представить того, что здесь происходит и порой прихо-*

дится пережить... На днях пробежали собаки, я стрелял, но та, которую я подстрелил, оказалась очень тощей... По ночам я страдаю от холода и вообще нервы очень напряжены. Вы бы меня не узнали, так я изменился...»¹⁷.

Письмо Г.Вигбере написано в конце сентября 1942 г., когда до «сталинградского котла» еще очень далеко, исход битвы еще не ясен, и советская армия находится в гораздо худшем положении, чем германская. Однако каждая строчка наполнена жалобами и натуралистическими подробностями «желудочных» проблем. В этой связи весьма характерными представляются дневниковые записи немецкого солдата Альфреда Риммера, в которых эта тема также является доминирующей, но уже в ином ракурсе – как иллюстрация типичного поведения захватчиков на советской территории. Еще 24 июня 1942 г., за два месяца до выхода его воинской части в район Сталинграда, он приводит весьма своеобразное описание и восприятие боевой обстановки: *«Рота расположилась у цели в предместье г.Изюма. В 3 часа началась атака. В городе уничтожили большое количество танков и взяли много пленных. Это было относительно весело, так как нам досталось приличное количество моркови и редиса. При обыске домов ели очень много яиц, пили много молока, ели хлеб и колбасу, масло, мармелад, сахар и т.д. Колбасу мы ели без хлеба, т.к. просто уже не могли больше. Нашему отделению посчастливилось достать 3 куска копченого сала. После жиров и яиц мы облизывали пальцы». 15 июля следует еще одна запись аналогичного свойства: «Поехали в село, достали вишен. В обед были картофель и телятина. После обеда наше отделение уничтожило еще две курицы, гуся, жареный картофель и вишни с сахаром. В 6 часов дали еще картофель с гуляшом. Это настоящий день обжорства. Из наших продуктов ничего не использовано, так как вдоволь добычи. Кухня режет ежедневно не меньше одной головы скота и солит свинину»¹⁸.*

В докладной записке ОО НКВД Сталинградского фронта в УОО НКВД СССР от 31 октября 1942 г. «О дисциплине и морально-политическом состоянии армий противника», составленной на основе агентурных материалов, пока-

заний военнопленных и трофейных документов, говорится о том, что «огромное разлагающее влияние на германскую армию оказывает установившаяся в ней система грабежей, мародерства, издевательств над мирным населением... Грабеж и насилия по существу поощряются командованием. Случаи наказания виновных неизвестны, а в ряде изданных распоряжений по существу узаконивается грабеж и вводится лишь в известные рамки»¹⁹. При этом «изъятие у местного населения продовольствия» грабежом не считалось вовсе. Стоит ли удивляться тому, что привыкшие «ни в чем себе не отказывать» за счет мирных жителей оккупированных ими территорий, немцы так болезненно воспринимали ситуацию с ухудшением продовольственного снабжения своих войск в районе Сталинграда? И спешили поделиться с родственниками своими проблемами, пожаловаться на тяготы фронтовой жизни...

Приведем еще одно достаточно типичное, далеко не самое мрачное немецкое письмо из Сталинграда, в котором отразились и рефлексия по поводу довоенной жизни, и жалобы на бытовые трудности, и пессимистическая доминанта солдатских настроений перед лицом военных неудач с главной установкой на выживание, и стремление «приобщить» близких к своим проблемам. Вот что писал 3 декабря 1942 г. своим родным Курт Ройбер: *«Внешне все выглядит так: мы сидим, скрючившись, в норах степных оврагов. Кое-как окопались и разместились. Грязь и глина. Кроме этого под руками нет ничего. Нет дерева для укрепления землянок. Огневые позиции очень неудобны. Воды в обрез, ее привозят издалека. Продовольствия хватает настолько, чтобы не умереть с голоду. Однообразный ландшафт наводит грусть и уныние. Обычная зимняя погода, мороз усиливается. Снег, поземка, холода, а то вдруг – дождь со снегом. Обмундирование нормальное: ватные штаны, куртки на меху, валеные сапоги. Моя драгоценная шуба в такой ситуации была бы незаменима. После отпуска ни разу не раздевался. Виши. Ночью мыши. Сверху сыплет песок. Вокруг все грохочет, но у нас хорошее прикрытие. Делимся остатками сэкономленной пищи... Вспоминается прекрасная прежняя жизнь с ее радостями, искушениями и любовью. Каждый мечтает только об одном*

– жить, выжить! И это – правда, может быть, она кажется грубой и примитивной. Сердце мое переполнено: внутри – серьезные размышления о Боге и мире, снаружи: страшные звуки разрушительной бойни. Я хочу, чтобы Вы знали, что я делаю сейчас и что делал недавно. Вы не должны оставаться в неведении...»²⁰.

Казалось бы, все в этом письме отражает только факты, однако при том, что и «обмундирование нормальное», и острого голода еще не испытывают (тем более, что К.Ройбер лишь в 20-х числах ноября прибыл в Сталинград), и «прикрытие хорошее», автор постоянно акцентирует внимание на своих страданиях, навязчиво делится своими проблемами, осознанно или бессознательно пытаюсь пробудить к себе жалость. «Вы должны знать, мои дорогие, как я здесь страдаю!» – так и слышится в этом и особенно в последующих его письмах.

Поражает коренное отличие менталитета российского и немецкого солдата, заключающееся в том, что советские бойцы в подавляющем большинстве случаев старались оберегать своих близких, ограничивая сообщаемые им «неприятные сведения», тогда как немецкие солдаты очень часто «грузят» своих родных собственными проблемами, передавая им чувства страха, отчаяния и безнадежности, пробуждая комплекс вины за невозможность помочь. Хотя по оценке Т.А.Кохута и Ю.Ройлекке немецких писем, их характеризует «большая сдержанность солдат, с которой они пишут о своем положении»²¹, в действительности, с точки зрения русского читателя, эти письма воспринимаются как крайне эгоистические, лишённые психологической деликатности и заботы о моральном состоянии близких людей. Кроме того, очень многие немецкие военнослужащие настойчиво просят своих родных о регулярных продовольственных посылках, при том, что, как известно, в немецком тылу продовольственное снабжение тоже было весьма скромным. Так, Вильгельм Корн 1 января 1943 г. пишет: *«Могу честно сказать, что в этом году я провел самое грустное Рождество. Меня мучит едва выносимый голод. Дорогой брат, ... пожалуйста, выполни мою просьбу, о которой я матери уже писал. Пусть мама высылает мне*

каждый день по 3 посылочки по 100 грамм с печеньем или сухарями... Если каждый день вы печенье высылать не сможете, то высылайте по несколько ломтей хлеба... Остальные товарищи почти все получают такие посылки»²².

Психологическая динамика, которая прослеживается в немецких письмах в ходе Сталинградской битвы, может быть охарактеризована как переход от состояния неопределенности и некоторой надежды к полной безнадежности и обреченности. Существует версия, согласно которой гитлеровское командование предполагало опубликовать с пропагандистскими целями некоторые письма из последних почтовых мешков, вывезенных самолетом из Сталинграда, а именно те, которые отражали бы героическую выдержку солдат в «котле». Однако писем, в которых высказывалось положительное отношение к войне, оказалось ничтожно мало – около 2%, и от планов соответствующей публикации отказались²³. В дошедших до нас трофейных письмах, хранящихся в Москве, «...отражается глубокое отчаяние, тоска по дому и те условия, когда у человека не остается ничего, кроме самых элементарных потребностей»²⁴. Таким образом, к концу Сталинградской битвы становилось очевидным морально-психологическое разложение личного состава немецкой армии на данном участке Восточного фронта.

Поражает полная неадекватность представлений немецких военнослужащих о своей роли в этой войне. Так, нередко ругательные высказывания в адрес «этой проклятой России» и «диких русских», но практически не встречается мыслей о том, что их, немцев, сюда, в Россию, никто не звал, что они пришли как оккупанты и получили заслуженное возмездие, что Германия, ее народ и солдаты пожинают плоды своих же действий. Но осознания и чувства вины в письмах вообще не прослеживается, есть только жалость к себе, любимым, почему-то (с их точки зрения, незаслуженно и несправедливо) оказавшимся в столь неприглядном положении.

Трудно сказать, следствием чего является такая позиция: то ли особенностей национального менталитета, то ли результата действий многолетней нацистской пропаганды. Но подобное состояние ментальности немецких воен-

нослужащих под Сталинградом явно свидетельствует об их «социальном инфантилизме». Одним из важнейших результатов Сталинградской битвы как раз и явилось то, что определенные сдвиги в этой ментальности все-таки начались: немцы впервые стали задумываться и задавать себе некоторые неприятные вопросы. Вот как описывает воздействие поражения под Сталинградом на настроения немецких солдат ефрейтор А.Оттен: *«Часто задаешь себе вопрос: к чему все эти страдания, не сошло ли человечество с ума? Но размышлять об этом не следует, иначе в голову приходят странные мысли, которые не должны были бы появляться у немцев. Но я опасюсь, что о подобных вещах думают 90% сражающихся в России солдат. Это тяжелое время наложит свой отпечаток на многих, и они вернутся домой с иными взглядами, чем те, которых они придерживались, когда уезжали»*²⁵. Военная машина фашистской Германии была потрясена до основания, в этой битве был надломлен моральный дух немецкой армии. Так, немецкий дипломат фон Хассель в середине февраля 1943 г. написал в своем дневнике: *«Последние несколько недель характеризуются самым тяжелым кризисом, которого мы еще не испытывали в войне. Этот кризис, к сожалению, поразили не только руководство и правящий режим, но и всю Германию. Он символизируется одним словом — «Сталинград»»*²⁶.

Само слово «Сталинград» стало для немцев символом национальной катастрофы. Для советских людей и всего мира – символом мужества, стойкости, воинской славы.

*«Только здесь, в Сталинграде, люди знают, что такое километр. Это тысяча метров, это - сто тысяч сантиметров», - писал 26 ноября 1942 г. в «Правде» Василий Гроссман, описывая «невиданный по ожесточенности бой», который «длился, не затихая, несколько суток», и «шел не за отдельные дома и цеха», а «за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода... И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев...»*²⁷

«Я ни разу не видел среди сталинградских бойцов людей с печатью уныния на лице, хотя были моменты, когда пасть духом могли бы самые сильные. Сами же гитлеровцы, несмотря на преимущества своего положения, вопили, что попали в ад. Теперь этот ад в памяти любых агрессоров действительно «останется навсегда, как если бы он был выжжен каленым железом»»²⁸, - писал в феврале 1943 г. Евгений Кригер.

Весь мир напряженно следил за битвой на Волге, понимая, что от нее во многом зависит исход Второй мировой войны, судьбы стран и народов.

13 сентября 1942 г. американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» (New York Herald Tribune) высказалась о героизме защитников Сталинграда: *«У американцев есть возможность посмотреть на спокойные улицы своих городов и попытаться представить их в условиях разрушений, которые обрушились на Сталинград.., посмотреть на своих соседей и подумать о тех мужчинах и женщинах Сталинграда, которые проливают кровь за каждый ярд территории своего города. Это может вызвать благоговейный страх у американцев; это должно вызывать у них чувство благодарности, так как Сталинград уничтожает тех, кто будет убивать американцев. Сталинград обеспечивает время для победы»²⁹.*

Английская газета «Айриш таймс» (Irish Times) 15 сентября 1942 г. писала: *«Нам говорят, времена чудес прошли. Но с военной точки зрения оборона русской армии у Сталинграда относится к области чудес. Согласно всем военным канонам, город уже давно должен быть захвачен немцами, но... военные эксперты поставлены в тупик, а человеческий элемент снова оказался не поддающимся учету... Сталинград стал символом русского сопротивления...»³⁰* А 6 октября добавляла: *«Бои за Сталинград давно перестали быть просто боями за обладание городом. Они превратились в одно из главных сражений этой войны»³¹.*

Другая газета «Дейли телеграф» (The Daily Telegraph) 28 сентября признавала: *«Сталинград - триумф моральной стойкости... В самом деле, в Сталинграде действует нечто большее, чем материальные условия, нечто*

превосходящее простую механику войны. Это нечто непреодолимое — моральная стойкость, которая превратила оборону в трудных условиях, оборону, которая, кажется, уже истощила свои силы, в поразительный военный эпизод, безусловно ставящий в тупик немецкое командование...»³²

А вот что говорило 11 октября Лондонское радио: «Сами немцы называют теперь Сталинград русским Верденом. Но Верден был крепостью, а Сталинград — открытый город... Это сражение - не за местность и реки, а за перекрестки улиц и дома. Сталинград разбил армии Гитлера. За 28 дней была завоевана Польша, а в Сталинграде за 28 дней немцы взяли несколько домов. За 38 дней была завоевана Франция, а в Сталинграде за 38 дней немцы продвинулись с одной стороны улицы на другую...»³³

19 ноября 1942 года в 7 часов 30 минут мощнейший залп многих тысяч орудий, минометов, гвардейских реактивных установок возвестил о втором периоде Сталинградской битвы. День начала контрнаступления наших воинов знаменовал решающий поворот в Великой Отечественной войне, начало массового изгнания врага с советской земли.

«Я помню день, - писал Евгений Кригер, - когда народы мира - в Европе и за океаном - услышали сообщение, потрясшее умы, опрокинувшее обычное представление о возможном и невозможном, затмившее все, что знали в истории войн о доблести солдат и мудрости полководцев. Русские под Сталинградом перешли в наступление. Далеким наблюдателям это казалось невероятным. Считалось, что даже оборона Сталинграда есть чудо и советские войска, державшие подступы к Волге, пережили тот предел сверхмерного напряжения, за которым силы человеческие исчерпываются. Большее от человека, самого отважного, самого стойкого, ждать нельзя. И вот, прижатые к Волге, окруженные, стиснутые со всех сторон дивизии Сталинградского фронта в полном взаимодействии с другими войсками Красной Армии переходят от обороны к решительному наступлению, берут гитлеровцев в кольцо, грозят раздавить всю армию фельдмаршала фон Паулюса... Кто мог думать тогда, что внезапным и точно рассчитанным ударом со-

ветские войска выгнут стальную дугу немецкого окружения и муки Сталинграда превратят в победу Сталинграда, зажмут вражескую армию в тисках тройного окружения, заставят гитлеровцев зарыться в землю, голодать, питаться кониной и, наконец, предъявив предложение о капитуляции, получив отказ, начнут планомерное уничтожение всех германских войск в районе измученного Сталинграда»³⁴.

23 ноября сомкнулось кольцо окружения вокруг 330-тысячной армии Паулюса, полный разгром которой завершился 2 февраля 1943 г. В этот день Совинформбюро передало радостное сообщение: «Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск»³⁵.

Победа советских войск под Сталинградом положила начало перелому в ходе всей Второй мировой войны. В ходе Сталинградской битвы фашистский блок потерял четвертую часть сил, действовавших на советско-германском фронте. Разгрому подверглись 5 армий противника (2 немецкие, 2 румынские и 1 итальянская). Общие потери врага убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 млн чел.³⁶, в связи с чем в Германии впервые за годы войны был объявлен трехдневный национальный траур.

После разгрома врага под Сталинградом стратегическая инициатива прочно и окончательно перешла в руки советского Верховного Главнокомандования, были созданы условия для развёртывания общего наступления Красной Армии и массового изгнания немецких захватчиков с оккупированных территорий СССР.

Были поколеблены и внешнеполитические позиции Германии, подорвано доверие ее сателлитов. Исход Сталинградской битвы удержал Японию и Турцию от вступления в войну против СССР.

Победа под Сталинградом подняла международный авторитет Советского Союза и его Вооруженных Сил, укрепила антигитлеровскую коалицию.

После перехода советских войск в контрнаступление пресса союзников высказывалась еще восторженнее, чем в период обороны Сталинграда.

27 ноября 1942 г. американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» (New York Herald Tribune) с изумлением писала: *«...В невообразимом хаосе бушующих пожаров, густого дыма, разрывающихся бомб, разрушенных зданий, мертвых тел защитники города отстаивали его со страстной решимостью не только умереть, если потребуется, не только обороняться, где нужно, но и наступать, где можно... Такие бои не поддаются стратегическому расчету: они ведутся со жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжелые дни германских воздушных налетов. Но именно такими боями выигрывают войну...»*³⁷

14 декабря 1942 г. американский еженедельник «Тайм» (The Time) писал о переходе советских войск в контрнаступление под Сталинградом: *«Германия терпит поражение в России, и это значит, что она проигрывает вторую мировую войну... Из всего этого явствует, что в Сталинграде практически попали в котел примерно 300 тыс. немецких и румынских солдат. Окружение, пленение или уничтожение этой армии одновременно с потерей позиций вермахта на юге России станут для Гитлера куда большей катастрофой, чем разгром в Ливии»*³⁸. 4 января 1943 г. этот же журнал назвал И.В.Сталина «человеком года». В этот день номер вышел с его портретом на обложке. В редакционной статье, которая называлась «Стоять насмерть» («Die, but do not retreat»), говорилось: *«Сталинград выстоял. Выстоял русский народ. К концу года Красная армия организовала четыре контрнаступления и здорово потрепала противника. В самый нужный момент войны*

Россия показала свою мощь. И полководцем, который выиграл это сражение, был тот, кто стоит во главе страны»³⁹.

В январе 1943 г. английская газета «Таймс» (The Times) сообщала об успехах Советской армии в условиях отсутствия второго фронта в Европе: *«На протяжении большей части 1942 г. России приходилось одной, без помощи, которая была бы ей оказана в форме крупной диверсии на европейском континенте, выдерживать натиск фактически всех наземных и воздушных сил Германии»⁴⁰.*

4 февраля 1943 г. американская газета «Курьер джорнал» (The Courier-Journal) высказалась по поводу влияния событий под Сталинградом на военные и политические круги США: *«Уроки Сталинграда ясны, но кое-кому не нравится учитель, который их преподавал. Многие вынужденные восхищаться храбростью русских дрожат при мысли о том, что с проявленными здесь духом, выдержкой и совершенно несгибаемой волей нам придется столкнуться на мирной конференции»⁴¹.*

Президент США Франклин Рузвельт в поздравительном послании на имя Сталина от 5 февраля 1943 г. назвал Сталинградскую битву «эпической борьбой»⁴², а премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в докладе на заседании военного кабинета о положении на фронтах войны еще 20 января 1943 г. вынужден был признать: *«...Все наши военные операции, вместе взятые, проводятся в весьма незначительных масштабах по сравнению с гигантскими усилиями России...»⁴³*, и в телеграмме от 1 февраля 1943 г. поздравил Сталина с «изумительной победой»⁴⁴. Король Великобритании прислал Сталинграду дарственный меч, на клинке которого на русском и английском языках выгравирована надпись: *«Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа»⁴⁵.*

Еще большее влияние победа под Сталинградом оказала на советский народ, положив начало коренному перелому в войне. Но прежде всего это был перелом в сознании.

На всех фронтах советские бойцы внимательно следили за ходом Сталинградской битвы и весьма эмоционально отзывались на каждое известие о ней. Сержант Г.М.Бабилов 23 ноября 1942 г. писал матери: *«Здравствуй, дорогая мама! Снова отправляюсь воевать. Сегодня услышали хорошую весть – немцев погнали от Сталинграда. Едем с особенно хорошим настроением. Стало быть, наши дела начинают поправляться. Видно, как и в прошлом году, зима будет нашей...»*⁴⁶

В еженедельной сводке о партийно-политической работе и политикоморальном состоянии личного состава частей 19-й армии Карельского фронта за период с 28 ноября по 6 декабря 1942 г. сообщалось: «Политикоморальное состояние личного состава частей армии здоровое. Успешное наступление наших войск в районе Сталинграда и Центрального фронта вызвало большой патриотический подъем среди всего личного состава. Бойцы и командиры в своих выступлениях на проведенных митингах, беседах выражали чувства любви к своей Родине, непоколебимую веру в нашу Победу над немецко-фашистскими разбойниками. ... Выступая на митинге, красноармеец отдельного лыжного батальона 122 с[трелковой] д[ивизии] Кузнецов сказал: «В своем докладе от 6 ноября тов.Сталин сказал: «Будет и на нашей улице праздник». Мы знаем, если Сталин сказал - значит, это будет. На Сталинградском и Центральном фронтах Красная Армия бьет и гонит немцев. Недалек тот день, когда мы будем праздновать освобождение наших земель от фашистских извергов». ...Воодушевленные успехами наших войск на Центральном и Сталинградском фронтах бойцы и командиры стали лучше относиться к своим обязанностям, усиливают свою боевую деятельность...»⁴⁷

А 7 февраля 1942 г. в другой еженедельной сводке по 19-й армии говорилось: «По работе разъяснения личному составу сообщений Сов.Информбюро «В последний час» - в частях армии продолжалось проведение политинформаций, бесед, докладов, красноармейских митингов и собраний. С большим подъемом прошли митинги, посвященные окончанию исторического сражения по уничтожению окруженных немецко-фашистских

войск в районе Сталинграда. Выступавшие бойцы и командиры на этих митингах отмечали возросшую силу Красной Армии, ее умение бить врага, выражают уверенность в нашей победе и свою готовность идти в бой.

Выступая на митинге, красноармеец Панов, беспартийный, ... сказал: «Кое-кто сомневался в силе Красной Армии и нашей победе над фашистами. Теперь же фашисты своими трупами и техникой устилают наши поля, но это еще не все. Конец будет тогда, когда мы выполним указание тов. Сталина - разгромим окончательно врага, а это мы выполним обязательно. Победа под Сталинградом сыграет решающую роль в окончательном разгроме немцев».

Красноармеец той же части Сергеев, беспартийный, в своем выступлении заявил: «Радостно слушать такие сообщения, но нам нужно не только радоваться, а практически уничтожать врага, и в боевой подготовке иметь такие показатели, чтобы нам не было стыдно перед нашими товарищами по оружию. В бою я не пожалею ни своих сил, ни своей жизни.»

Военврач Фарбер ... сказал: «В связи с нашими успехами на фронтах появляется еще больший прилив энергии, хочется больше и лучше сделать. Летом, когда наши войска отступали, все-таки было тяжело. Но каждый из нас непоколебимо верил, что немцев будем бить, и сейчас это осуществляется на практике, на деле. Приходит праздник и на нашу улицу...»

Аналогичными были выступления и других бойцов и командиров»⁴⁸.

Моральный дух народа и его армии окреп настолько, что уже не возникало никаких сомнений в полной и окончательной победе над врагом. И эту роль Сталинградской битвы вполне осознавали советские бойцы. Вот как с некоторыми восторгом и патетикой, но глубоко искренне записал об этом в своем дневнике 7 февраля 1943 г. Михаил Белявский: *«Полная ликвидация Сталинградской группировки! Нужно отойти на расстояние, по меньшей мере, нескольких лет, чтобы полностью понять все значение битвы за Сталинград. Сейчас, в дни побед, я часто думаю о тех людях, что выстояли, отстояли Сталинград, отстояли Россию. Сталинград останется в веках и лю-*

ди его, овеянные славой, станут синонимом чуда, богатырской стойкости, выносливости, мужества. Их имена священны для каждого русского...»⁴⁹.

Уже после войны Константин Симонов говорил в одном из интервью:

«...Сталинград был для всех нас тогда сначала огромных размеров болью - шутка ли, немцы на Волге! Потом огромных размеров радостью: появилась твердая уверенность - одолеем!

В критической своей точке Сталинград был для меня символом крайней опасности... Когда наступил перелом, у меня, кроме памяти обо всем, осталось еще ощущение какого-то абстрактного звука. Все мы тогда ясно слышали: в немецкой машине войны что-то хрустнуло, надломилось.

И все мы после Сталинграда несли в себе ощущение счастья. Ощущением этим была потребность делиться. В те дни мне в руки попала рукописная листовка с надписью: «Молитва» с припиской: «Если ты верующий - перепиши». А на обратной стороне мелким почерком - «Сталинградская сводка».

...Радость победы всех нас тогда окрыляла...»⁵⁰

Однако достигнута эта победа была дорогой ценой. Потери Красной Армии в Сталинградской битве составили около 1 млн. 130 тыс. чел., из них около 480 тыс. безвозвратные⁵¹.

* * *

На Западе после войны память о Сталинграде постоянно подвергалась искажениям, фальсификациям, попыткам замолчать или принизить его значение. В последние время наметилась новая тенденция – ставить на одну доску фашистских агрессоров и жертвы агрессии – Советский Союз и его народ, которые отстаивали свою независимость. И не просто независимость, а право на физическое существование. Потому что немцы пришли в Россию, исповедуя человеконенавистническую идеологию «высшей расы», а русских, всех славян и другие народы России считали «недочеловеками», подлежащими порабощению и истреблению. И когда «недочеловеки» разгромили «расу господ» сначала под Москвой, а потом под Сталинградом, те сразу

стали в позицию жертвы: «Дескать, какие великие страдания мы тут переносим от этих нехороших русских, которые не дали себя победить!»

К сожалению, эти настроения активно проводятся средствами массовой информации, в том числе и российскими. Особенно заметно это было в 2003 году, в связи с 60-летием Сталинградской битвы. Сегодня, 10 лет спустя, те же мотивы снова звучат в либеральных прозападных СМИ - под знаком «необходимости примирения», «поисков взаимопонимания», «усвоения уроков истории». Переносят акцент на то, какими несчастными были сами оккупанты, какие потери они несли, как голодали и замерзали – на чужой земле, как умирали в плену. И старательно уходят от главного: их сюда, на нашу землю никто не звал. При этом в большинстве интервью, которые дают немецкие ветераны, нет раскаяния за содеянное, а если присутствует сожаление, то лишь в том, что не смогли дойти какие-то сто метров до Волги, не смогли вырваться из котла, в конечном счете – не смогли выиграть войну. Они до сих пор не могут осознать, что все их «страдания» – закономерное возмездие и воздаяние по заслугам.

Но как бы не искажалась история в угоду политической конъюнктуре, мы не должны забывать: именно под Сталинградом впервые был сломлен дух фашистских агрессоров и, по сути, решилась судьба Второй мировой войны. Сталинград стал победой не только русского оружия, но, прежде всего, русского духа - воинского и морального.

---

¹ Музы вели в бой. Деятели литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 114.

² По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941–1945 гг. Сост. А.Д.Шиндель. М., 1995. С. 43-44.

³ Там же. С. 44.

⁴ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 164.

⁵ Там же. С. 164, 216.

⁶ Там же. С. 261.

⁷ Вольф А. Звезда над передовой. М., 1983. С. 42-43.

-
- ⁸ Жуков Ю. Солдатские думы. О чем рассказывали письма с фронтов Великой Отечественной войны. М., 1987. С. 30-31.
- ⁹ Последние письма с фронта. 1942 год. Сборник. Т. 2. М., 1991. С. 415.
- ¹⁰ .Музы вели в бой. С. 89.
- ¹¹ Последние письма с фронта. 1942 год. С. 404-405.
- ¹² Там же. С. 45-46.
- ¹³ Разгром немцев под Сталинградом. Признания врага. М., 1944. С. 14.
- ¹⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁵ Там же. С. 19.
- ¹⁶ Кохут Томас А., Ройлекке Ю. “Подохнуть крысой под крестьянским башмаком...” Последние письма из Сталинграда // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. Пер. с нем. М., 1995. С. 484-485.
- ¹⁷ Сталинградская эпопея. С. 93-94.
- ¹⁸ Там же. С. 105-106.
- ¹⁹ Там же. С. 109-110.
- ²⁰ По обе стороны фронта. С. 193-194.
- ²¹ Там же. С. 490.
- ²² Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке. 10 января 1943 г. // Сталинградская эпопея. С. 331.
- ²³ Кохут Томас А., Ройлекке Ю. Указ. соч. С. 482.
- ²⁴ Там же. С. 482-483.
- ²⁵ Величие Подвига Советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С.220.
- ²⁶ Там же. С. 221.
- ²⁷ Цит. по: Робертс Д. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003. С. 87.
- ²⁸ Кригер Е. Ответ Сталинграда // От Советского Информбюро... 1941-1945. Публицистика и очерки военных лет. В 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 17.
- ²⁹ Величие Подвига Советского народа. С. 138.
- ³⁰ Там же. С. 139.
- ³¹ Там же. С. 140.
- ³² Там же. С. 140.
- ³³ Там же. С. 142.
- ³⁴ Кригер Е. Ответ Сталинграда // От Советского Информбюро... 1941-1945. Публицистика и очерки военных лет. В 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 17-18.
- ³⁵ От Советского Информбюро... 1941-1945. Публицистика и очерки военных лет. В 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 11.
- ³⁶ Сталинградская битва 1942-43 // Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 684.
- ³⁷ Цит. по: Чуйков В.И. Сражение века. М., 1975. С. 117.

-
- ³⁸ Там же. С. 212.
- ³⁹ Цит. по: *Васильева Татьяна.* Человек года – народ столетия // <http://comstol.info/2013/01/obshhestvo/5557>
- ⁴⁰ Величие Подвига Советского народа. С. 214.
- ⁴¹ Там же. С. 215.
- ⁴² Там же. С. 174.
- ⁴³ Там же. С.171-172.
- ⁴⁴ Там же. С. 173.
- ⁴⁵ *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Война 1941-1945. Факты и документы. М., 2001. С 97.
- ⁴⁶ Последние письма с фронта. 1942 год. С. 407-408.
- ⁴⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 16. Л. 324(об.).
- ⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 33. Л. 64-65.
- ⁴⁹ Музей боевой славы Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (МБС ИС МГУ). Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые записки.
- ⁵⁰ Война: день за днем. Беседа с писателем Константином Симоновым // *Песков В.* Война и люди. М., 1979. С. 162-163.
- ⁵¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 179, 182.